

Ганс-Петер Гассер

**Захита журналистов
в опасных командировках**

Ален Моду

**Международное гуманитарное право
и деятельность журналистов**

**Международный Комитет Красного Креста
1994**

Захист журналістів в небезпекливих місіях

Право, застосовується під час збройного конфлікту

Ганс-Петер Гассер

Введение

«Смерть четырех журналистов в Сальвадоре», «Шесть журналистов пропали без вести», «Освобождение трех журналистов, задержанных за шпионаж» — вот несколько заголовков недавних сообщений на тему, которую мы собираемся рассмотреть в данной статье¹: журналисты, работающие в ситуации вооруженного конфликта, подвергаются опасности. Что же предусматривает публичное международное право для их защиты и облегчения их профессиональной деятельности?

Этот вопрос заставляет задуматься и над другими, более общими проблемами. В чем заключается роль печати, радио, телевидения? Ограничена ли деятельность журналистов какими-либо организационными рамками? Существует ли в военное время право доступа к информации?.. Таким образом, затрагивается ряд основополагающих понятий — свобода слова, право на информацию и т. д. Однако в задачи этой статьи не входит их всестороннее рассмотрение. Другие авторы изучали эти многочисленные вопросы и старались найти на них ответ².

¹ Работа, представленная на рассмотрение VIII Круглого стола и симпозиума Красного Креста, проведенных Международным институтом гуманитарного права в Сан-Ремо в сентябре 1982 г.

² См., например, доклад ЮНЕСКО «Многоголосье единого мира», подготовленный Международной комиссией по изучению проблем средств массовой информации и связи под председательством Шона Мак-Брайда.

Нам представляется целесообразным сформулировать в начале нашего исследования несколько исходных принципов.

1. Развитие международных и внутренних конфликтов вызывает бесспорный интерес общественности. С незапамятных времен человечество живо интересовалось феноменом войны, о чем свидетельствуют многочисленные литературные, музыкальные, живописные и другие произведения.

2. Журналист, писатель, художник и т. д. пользуются свободой при поиске информации и ее передаче общественности, не преступая, однако, при этом границ, определяемых национальным законодательством. Подобные ограничения оправданы, с одной стороны, интересами соответствующего государства (в частности, соображениями безопасности), а также интересами отдельных лиц, которым репортаж может нанести ущерб. В наши обязанности не входит более подробный анализ этих ограничений.

3. Журналист несет ответственность перед общественностью и государством за качество своих материалов.

Цель нашего исследования ограничивается тем, чтобы проанализировать особые условия, которые создаются вооруженными конфликтами, внутренними волнениями и напряженностью, а также правовые положения о защите журналистов, исполняющих свои обязанности в этих особых обстоятельствах.

Приведенные выше заголовки сообщений обращают наше внимание на две ситуации, в которых журналисты подвергаются особому риску, а успешное выполнение ими своей работы оказывается под угрозой.

С одной стороны, журналист подвергается опасностям войны вообще. Он может стать жертвой непосредственно военных действий (бомбардировки, перестрелки, в которой он может пострадать как от случайной пули, так и от прицельно ведущегося по нему огня, и т. д.). Все это риск, связанный с пребыванием в зоне боевых действий.

С другой стороны, журналист может стать жертвой незаконных действий со стороны властей, в частности вооруженных сил или полиции, той страны, где он находится либо добровольно, либо против своей воли (арест, дурное обращение, исчезновение и т. д.).

Эти две ситуации ставят различные проблемы и требуют отдельного рассмотрения. Однако речь идет о проблемах,

связанных с физической защитой журналистов³, находящихся в опасных командировках.

Первые попытки защиты журналистов

В течение вот уже длительного времени особому положению журналистов, находящихся в опасных командировках, уделяется внимание в документах права вооруженного конфликта. Еще в статье 13 Гаагского положения о законах и обычаях войны (приложении к Гаагским конвенциям 1899 и 1907 гг.), а также в Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными, говорится о «газетных корреспондентах». В статье 81 Конвенции 1929 г. предусматривается, что «лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие при этом в их личный состав, такие, как корреспонденты, репортеры газет, маркитанты и поставщики, оказавшиеся во власти противника, который считает необходимым их задержание, имеют право на обращение с ними как с военнопленными при условии имеющегося у них законного разрешения военных властей вооруженных сил, за которыми они следуют».

Итак, мы видим, что в этих документах журналисты относятся к нечетко определенной категории лиц, которые следуют за вооруженными силами, не входя при этом в их личный состав. Как представители этой группы лиц, журналисты имеют право в случае захвата на то же обращение, что и военнопленные, хотя они и сохраняют статус гражданского лица. Но при этом должно быть соблюдено важнейшее условие: они обязаны иметь удостоверение, выданное военными властями их страны.

Во время радикального пересмотра международного гуманитарного права, результатом которого стало принятие Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., эта же идея нашла свое воплощение в III Конвенции — об обращении с военнопленными — с тем уточнением, что журналист, попавший во власть противника и задержанный им, является военнопленным, что он имеет соответствующий статус (III Конвенция,

³ В этой статье слово «журналист» обозначает как представителей печати, так и представителей радио и аудиовизуальных средств массовой информации.

статья 4, А, 4). Журналисты, названные здесь «военными корреспондентами», входят в категорию лиц, несколько отличную от той, о которой говорится в Конвенции 1929 г. Их объединяет то, что они определенным образом связаны с военным усилием, не входя, однако, при этом в структуру вооруженных сил.

Если в соответствии с нормами 1929 г. журналист должен был обязательно иметь удостоверение личности, выданное компетентными властями, чтобы получить право на статус военнопленного, то, исходя из опыта второй мировой войны, авторы Конвенций 1949 г. смягчили это требование, принимая во внимание то обстоятельство, что владелец удостоверения может потерять его в обстановке хаоса, характерной для военного времени. Тем не менее в любом случае журналист должен получить разрешение следовать за вооруженными силами, а удостоверение личности будет просто служить доказательством того, что это разрешение было дано, доказательством, которое противник может потребовать перед тем, как определить его статус в случае захвата в плен. Удостоверение военного корреспондента играет приблизительно ту же роль, что и форма солдата: оно создает презумпцию. Напомним, что в соответствии со статьей 5, абзац 2 III Конвенции в случае сомнений относительно статуса лица, претендующего на статус военнопленного, такое лицо остается под защитой Конвенции до решения компетентного суда.

Почему же положение, предписывающее обращаться с захваченным журналистом как с военнопленным, не отвечает современным требованиям? Тому есть несколько разных причин. Эта защита не распространяется за рамки ситуаций международных вооруженных конфликтов; особая защита предоставляется журналистам только на период задержания, т. е. на период, который следует за захватом в плен; защитой пользуются только те журналисты, которые аккредитованы при вооруженных силах.

Вопрос об улучшении защиты журналистов в опасных командировках за последние двадцать лет не раз поднимался на различных уровнях. Озабоченность в этой связи выражали журналистские объединения. После одного из выступлений во время общих дебатов на Генеральной Ассамблее ООН в 1970 г., Морис Шуманн, который тогда был министром иностранных дел Франции, предложил, чтобы Организация Объединенных

Наций, наконец, проявила в этой области инициативу⁴. Генеральная Ассамблея ООН своей резолюцией 2673 (XXV) от 9-го декабря 1970 г. призывала Экономический и социальный совет, а через него и Комиссию по правам человека, разработать проект особой конвенции, которая обеспечивала бы защиту журналистов, находящихся в опасных командировках. Так возникла мысль о разработке особой конвенции. В статье, написанной одним из руководителей МККК в начале 1971 г., были изложены основные принципы, в соответствии с которыми, по его мнению, следует подходить к решению этой проблемы⁵.

Таким образом, Комиссии по правам человека уже с 1971 г. был предоставлен соответствующий мандат. В том же году она разработала первый проект, который тогда же был передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН и государств-членов. Генеральная Ассамблея приняла его к сведению, сочла необходимым принять по этому вопросу конвенцию и призвала ЭКОСОС и Комиссию по правам человека вернуться к его изучению. Что еще более важно, она обратилась к Комиссии с просьбой ознакомить с ее докладом организованную МККК Конференцию правительственные экспертов по подтверждению и развитию международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, которая должна была собраться на свое второе заседание в 1972 г. Генеральная Ассамблея обратилась к МККК с просьбой представить Организации Объединенных Наций замечания, сделанные в ходе этой встречи⁶.

Тем временем было положено начало процессу пересмотра международного гуманитарного права, процессу, который завершился 8 июня 1977 г. принятием двух Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям.

⁴ См., помимо прочего, доклады Генерального секретаря ООН под общим заглавием «Права человека во время вооруженного конфликта: защита журналистов, находящихся в опасной командировке в зоне вооруженного конфликта»: A/9073 от 9 июля 1973 г.; A/9643 от 22 июля 1974 г.; A/10147 от 1 августа 1975 г.. а также резолюции 2673 (XXV) от 9 декабря 1970 г., 2854 (XXVI) от 20 декабря 1971 г., 3058 (XXVIII) от 2 ноября 1973 г., 3245 (XXIX) от 29 ноября 1974 г. и 3500 (XXX) от 15 декабря 1975 г.

⁵ См. Pilloud C., *Protection des journalistes en mission périlleuse dans les zones de conflit armé*, Revue internationale de la Croix-Rouge, janvier 1971, page 5.

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2854 (XXVI) от 20 декабря 1971 г.

Мы воздержимся от подробного описания тех перипетий, которые пришлось пережить проекту конвенции ООН, и упомянем лишь одно обстоятельство: первоначально работа над ним велась в рамках ООН. По просьбе Генеральной Ассамблеи первое и второе заседание⁷ Конференции правительственныйных экспертов, организованной МККК, рассмотрели два подготовленные один за другим проекта специальной конвенции и направили свои замечания Генеральной Ассамблее ООН. Позднее, когда была создана Дипломатическая конференция по подтверждению и развитию международного гуманитарного права (в 1974 г.), Генеральная Ассамблея обратилась к Конференции с просьбой высказать свое мнение по этому вопросу⁸. Во время второго заседания Дипломатической конференции собравшиеся в Женеве дипломаты эту просьбу выполнили, но не так, как ожидалось: специальная рабочая группа Комитета I, вместо того чтобы ограничиться комментариями к проекту ООН, решила, что вопрос требует рассмотрения в рамках пересмотра международного гуманитарного права и составила формулировку статьи для включения в Протокол I: это был проект статьи 79⁹. Инициатива увенчалась успехом: проект, предложенный рабочей группой, был принят на комитете¹⁰ и на пленарном заседании¹¹. Он стал, таким образом, статьей 79 Протокола I, принятого Дипломатической конференцией 8 июня 1977 г. Генеральная Ассамблея ООН «с удовлетворением» отметила также решение, принятое на Дипломатической конференции¹².

Таким образом, в конечном итоге усилия, направленные на улучшение защиты журналистов, привели к следующему результату: в Протокол I, относящийся к международным

⁷ См. ICRC, *Rapport sur les travaux de la Conférence d'experts gouvernementaux sur la réaffirmation et le développement du droit international humanitaire applicable dans les conflits armés*, 1971, par. 507 a 515, et seconde session, 1972, suite au par. 3. 72 au 3. 93.

⁸ Резолюции 3058 (XXVIII) и 3245 (XXIX).

⁹ См. доклад рабочей группы в Актах Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, том X, стр. 77, CDDH/I/237; все тексты Дипломатической конференции, относящиеся к будущей ст. 79, см. в Levie H. S., *Protection of War Victims: Protocol I to the 1949 Geneva Conventions*, Volume 4, 1981, p. 119-143.

¹⁰ Акты, том X, стр. 19, CDDH/219/Rev. 1.

¹¹ Акты, том VI, р. 253, CDDH/SR 43.

¹² Резолюция 3500 (XXX).

вооруженным конфликтам, включена статья 79 — «Меры по защите журналистов».

Содержание этой статьи вкратце сводится к следующему.

— Журналист, находящийся в опасной командировке в районе вооруженного конфликта, будучи гражданским лицом, пользуется в полном объеме защитой, предоставляемой международным гуманитарным правом гражданским лицам.

— За военными корреспондентами, аккредитованными при вооруженных силах, сохраняется их особое положение, которое признается статьей 4 А, пункт 4 III Конвенции.

— Удостоверение личности, согласно образцу, который приводится в приложении к Протоколу, является доказательством, что владелец такого удостоверения действительно журналист.

Это решение существенно отличается от предлагавшегося Комиссией по правам человека в составленном ею проекте специальной конвенции, а именно от предложения ввести особый статус для журналистов.

Об обсуждениях, в результате которых была выработана формулировка этой статьи, нам известно немного, поскольку основная работа была проведена в специальной рабочей группе, которая опубликовала лишь краткий отчет с несколькими лаконичными сообщениями формального характера и проект документа¹³. Протокола дискуссий в рабочей группе нет. При рассмотрении в Комитете I проект получил положительную оценку. Небольшая дискуссия возникла только по одному пункту: делегация Венесуэлы внесла предложение обязать журналистов, которые желали бы пользоваться защитой, предоставляемой статьей 79, носить ясно различимый на расстоянии защитный знак¹⁴. Большинство представителей правительств, взявших слово, выступило против этого предложения. Они в особенности подчеркивали, что ношение такого знака сделает работу журналистов еще более опасной. Более того, привлекая к себе внимание противника, они могли бы подвергнуть опасности окружающее гражданское население¹⁵.

¹³ Акты, том X, с. 77, CDDH/I/237.

¹⁴ Акты, том III, р. 316, CDDH/I/242.

¹⁵ См., в частности, выступления представителей Канады и США, Акты, том VIII, р. 374, CDDH/SR 35.

Разногласия возникли по вопросу о том, что следует указывать в удостоверении личности журналиста: нужно ли в нем отмечать вероисповедание владельца? На каком языке оно должно быть составлено? Предусматривать ли использование отпечатков пальцев для установления личности?

В конечном итоге все критические замечания к проекту, обсуждавшемуся в рабочей группе, были отвергнуты, и текст был принят на пленарном заседании на основе консенсуса и в форме, предложенной рабочей группой¹⁶.

Особый статус для журналистов?

Авторы проекта конвенции ООН¹⁷ сделали попытку улучшить положение журналистов в опасных командировках путем создания для них особого статуса. Вопросы, затронутые в связи с этим предложением, заслуживают того, чтобы немного на них задержаться, хотя сам текст уже стал достоянием архивов.

Журналистом на основании проекта (статья 2а) является лицо, которое считается таковым в соответствии с национальным законодательством или практикой. Чтобы пользоваться особой защитой, журналист должен иметь удостоверение личности, выданное властями страны. На оборотной стороне этого удостоверения должна быть сделана запись следующего содержания (статья 5, абзац 2): «Владелец этого удостоверения обязуется вести себя во время командировки в соответствии с самыми строгими нормами профессиональной этики и не вмешиваться во внутренние дела государств, на территорию которых он выезжает, а также не участвовать ни в какой политической или военной деятельности, либо в какой-нибудь другой деятельности, которая может привести к прямому или косвенному участию в боевых действиях в зонах, где он находится в опасной командировке».

Кроме того, в проекте конвенции содержится требование к властям сообщать имена журналистов, имеющих удостоверение, Международному профессиональному комитету, который должен был быть создан в соответствии с этим документом.

¹⁶ Акты, том VI, р. 253, CDDH/SR 43.

¹⁷ Последний вариант этого документа приводится в Ноте Генерального секретаря ООН от 1 августа 1975 г. (A/10147).

Во время командировки удостоверение позволило бы установить личность журналиста. Журналист был бы также обязан носить нарукавную повязку с отличительным знаком — большой черной буквой Р на фоне золотого круга — «так, чтобы его можно было различить на расстоянии» (статья 9).

В чем же заключалась бы особая защита, предусмотренная проектом конвенции? В соответствии со статьей 10, стороны, участвующие в конфликте, «должны делать все от них зависящее для защиты журналистов... в частности... а) предоставлять журналистам разумную защиту от опасностей, создаваемых конфликтом; б) предостерегать журналистов от посещения опасных зон; в) обеспечивать в случае интернирования обращение, аналогичное тому, которое предусмотрено IV Женевской конвенцией (статьи 75—135); г) сообщать необходимые сведения в случае смерти, исчезновения, заключения в плен и т. д.»

Чтобы завершить этот краткий анализ проекта конвенции, добавим, что государство, участвующее в конфликте, сохраняло бы за собой право «разрешать или не разрешать тем, кто обращается к нему с соответствующей просьбой, доступ в некоторые опасные районы в соответствии с теми же критериями, на основании которых выдаются разрешения своим собственным журналистам» (статья 13, абзац 2). Отсюда вытекает запрет на использование дискриминационных мер при решении этого вопроса.

Что можно сказать о таком подходе? В международном гуманитарном праве широко используется такой способ защиты, как предоставление особого статуса. Конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г. предоставляют такой особый статус следующим категориям: медицинскому персоналу, духовному персоналу, личному составу подразделений гражданской обороны и (косвенно) делегатам Держав-покровительниц и МККК. По отношению к лицам, относящимся к этим категориям, действует особый юридический режим, и все они должны легко опознаваться, с тем чтобы предоставляемая им защита носила действенный характер.

Количество таких категорий может быть увеличено. Однако есть основания для опасений, что защита будет ослабевать по мере увеличения числа групп, в отношении которых действует особый режим. Умножение знаков и эмблем ведет к снижению их защитной ценности.

Перечисленные выше различные категории включают в себя всех лиц, в чьи обязанности входит оказание помощи жертвам конфликта. Международное сообщество не заинтересовано в ослаблении защиты этих лиц (усиленной к тому же Протоколами 1977 г.), распространяя ее на группу, которая непосредственно не защищает интересы жертв войны. Поэтому с политической и практической точки зрения нам представляется оправданным отказ от мысли установить для журналистов особый статус.

Уже отмечалось и, очевидно, вполне справедливо, что присутствие журналистов с отличительной эмблемой на нарукавных повязках может создать для гражданского населения угрозу подвергнуться нападению противника и тем самым ставит население в опасное положение. Иными словами, нарукавная повязка с большой буквой Р может разжечь пламя, вместо того, чтобы его погасить. И такое вполне может произойти, принимая во внимание цель присутствия журналистов на поле боя: поиск новостей там, где их можно найти, то есть там, где ведутся боевые действия. Интересы журналиста, который идет навстречу опасности, чтобы выполнить свою профессиональную задачу, полностью противоположны желанию гражданских лиц не подвергаться опасностям войны. Однако угроза, возникающая в таком случае для безопасности гражданского населения, по-разному оценивается различными экспертами¹⁸. Ясно одно — эффективность защиты, предоставляемой гражданскому населению вообще, не должна быть снижена, тем более что журналисты также пользуются этой защитой. Не следует забывать и о том, что защитный эффект нарукавной повязки невелик, так как ее можно различить лишь с небольшого расстояния.

Надо также сказать, что степень особой защиты, которую предусматривал для журналистов проект, представляется достаточно слабой по сравнению с тем, что оказалось возможным сделать без выработки особого статуса. Кроме того, в проекте говорится об ограничениях на свободу передвижения журналистов, которые могут наложить власти. Но если речь идет об их собственной территории, власти в любом случае имеют такое право!

¹⁸ См. Отчет о дискуссии во время второго заседания Конференции правительственный экспертов, пункт 3.76—3.80.

Отметим, наконец, и то, что всякий особый статус и привилегии, которые он предоставляет, требуют надлежащего контроля во избежание злоупотреблений и возможных нарушений. Контроль этот должен быть строгим, прежде всего, по двум причинам: с одной стороны, всякое злоупотребление может поставить под угрозу защитную ценность эмблемы на время конфликта, и даже на более длительный срок; нетрудно представить себе, каковы могут быть последствия этого для жертв. С другой стороны, грубое злоупотребление знаком может быть военным преступлением¹⁹.

Предложение авторов проекта Конвенции ООН создать Международный профессиональный комитет имеет целью решить проблему контроля. Несмотря на то, что он не имел бы каких бы то ни было полномочий принимать решения (поскольку выдача или изъятие удостоверений относится к сфере деятельности властей), этот комитет тем не менее должен был бы «регламентировать условия выдачи, продления срока действия или изъятия удостоверения» (проект, статья 4, абзац 2). Он также должен был бы регистрировать журналистов, имеющих удостоверение (статья 5, абзац 7).

Думается, что создание подобного международного органа не вызвало бы положительной реакции у всех журналистов. Но, как уже было отмечено, строгий контроль в определенной степени *необходим*, чтобы можно было пользоваться особыми положениями и привилегиями. Юристы всегда должны на этом настаивать не ради удовольствия регламентировать, а для того, чтобы предотвратить всякое ослабление защиты в результате злоупотребления особым статусом. Ведь жертвами в таком случае станут не только журналисты, но, что более важно, пострадавшие от войны гражданские лица.

Интересно, что и комиссия, учрежденная ЮНЕСКО для изучения проблем средств массовой информации и связи, пришла к тем же выводам. Соответствующий отрывок доклада, взятый из главы, посвященной защите журналистов, заслуживает того, чтобы его воспроизвести:

«С другой стороны, многие журналисты полагают, что особые меры защиты могут поставить представителей их профессии под контроль органов власти, так что это не только не

¹⁹ Вероломное использование защитных знаков, признанных Конвенциями и Протоколами, см. статью 85, пункт 3.f) Протокола I.

облегчит их деятельности, но, напротив, затруднит ее осуществление. Защита, в частности, может зависеть от системы аккредитации, которая позволит властям решать, кто является журналистом, а кто нет, что будет нарушением принципа, согласно которому профессиональная принадлежность журналиста определяется по месту его работы, а в некоторых странах — по членству в профессиональном союзе или профессиональной ассоциации. Существует опасность того, что в результате введения различных видов системы аккредитации, деятельность журналистов будет подвергаться ограничительному регламентированию. Ведь защита в этом случае распространялась бы только на тех журналистов, которые получили бы официальное признание. И хотя проблемы защиты журналистов представляются нам весьма злободневными и вызывают у нас все большее беспокойство, мы разделяем опасения, которые внушает аккредитация и полагаем, что она представляет собой угрозу для свободы информации»²⁰.

Журналист перед лицом непосредственной опасности во время боевых действий

Рассмотрим теперь положение журналиста, находящегося в опасной командировке, с точки зрения действующих норм права, а именно Женевских конвенций 1949 г. и двух Дополнительных протоколов 1977 г.

Начнем с проблем, вызываемых присутствием журналистов на поле боя, чтобы в следующей главе перейти к положению журналистов, находящихся во власти одной из сторон в конфликте. Мы не будем касаться положения военных, которым поручены задачи информационного характера, поскольку эти люди входят в состав вооруженных сил. Они разделяют судьбу остальных членов вооруженных сил и не пользуются какими-либо особыми привилегиями.

Сразу оговоримся, что документы международного гуманитарного права не содержат положений, касающихся законности деятельности журналистов во время войны. Ни сторонники, ни противники свободы действий журналистов не найдут доводов в пользу своей точки зрения в Женевских конвенциях или Дополнительных протоколах к ним — на этот счет

²⁰ См. доклад ЮНЕСКО, цитировавшийся выше, в примечании 2, с. 295.

там ничего не сказано. Поэтому ошибочно постоянно видеть в этих документах конкретизацию прав человека и приспособление их к той кризисной обстановке, которую порождает война. Задача, которую призвано решить право Женевы, имеет более ограниченный характер — смягчить последствия войны для людей. Иначе говоря, международное гуманитарное право защищает не деятельность журналистов, а людей, занимающихся этой деятельностью.

Журналист, находящийся в опасной командировке в зоне боевых действий, является гражданским лицом, он пользуется всеми правами, предоставляемыми гражданским лицам, как таковым. Статья 79 разъясняет эту ситуацию и подтверждает, таким образом, действующее право. Следовательно, журналист, занимающийся своей профессиональной деятельностью во время конфликта, стороны которого не подписали Протокол I, всегда будет пользоваться защитой, предоставляемой гражданским лицам на основании права, действовавшего до 1977 г.

Таким образом, как отмечалось и на самой Дипломатической конференции²¹, редакция первого пункта статьи 79, не совсем удовлетворительна. В самом деле, журналист не только считается гражданским лицом, но и является им по смыслу определения, которое содержится в первом пункте статьи 50 Протокола I. Таким образом, сомнений на этот счет быть не может²².

При условии, что он не совершает никаких действий, которые могли бы поставить под сомнение его статус гражданского лица, журналист пользуется защитой в соответствии с Конвенциями и Протоколом на тех же основаниях, что и все прочие гражданские лица²³. Таким образом, представляется, что статья 79 отсылает нас к статьям, в которых говорится о защите гражданского населения вообще. Однако следует отметить, что защита предоставляется гражданским лицам независимо от их гражданства. В нашем контексте защитой польз-

²¹ См. выступление нидерландского представителя в ходе обсуждений на заседании Комитета в *Akten*, том VIII, р. 341, CDDH/I/SR 31, пункт 12.

²² В этом же смысле (и в целом по толкованию статьи 79): Bothe, Partsch, Solf: *New Rules for Victims of Armed Conflicts. Commentary on the Two Additional Protocols to the Geneva Conventions of 1949*. 1982, ad. art. 79, par. 2.4.

²³ См. статью 50, пункт 1 Протокола I, которая включает лиц, упомянутых в статье 4 А 4 III Конвенции, в свое определение гражданских лиц.

зуется любой журналист, будь он гражданином нейтрального или участвующего в конфликте государства.

Гражданское лицо ни в коем случае не должно быть объектом нападения (статья 51, пункт 2 Протокола I); гражданские лица имеют право на то, чтобы к их собственности относились с уважением, если она не имеет военного характера (статья 52). Эти правила, как и многие другие, в равной мере применимы к журналистам, находящимся в опасной командировке. Напомним также, что предумышленное нападение, ставшее причиной смерти или серьезного телесного повреждения, является серьезным нарушением Протокола, т. е. военным преступлением (статья 85, в частности пункт 3.e) Протокола I).

Следует заметить, что военный корреспондент, аккредитованный военными властями по смыслу III Женевской конвенции, пользуется той же защитой, что и неаккредитованный журналист: за ним сохраняется статус гражданского лица, несмотря на особые права, полученные от военных властей. Точно так же к журналисту нужно проявлять уважение вне зависимости от того, есть ли у него удостоверение личности журналиста, находящегося в опасной командировке. Такое удостоверение подтверждает, что его владелец является журналистом, но оно не предоставляет своему владельцу статуса гражданского лица.

Однако журналист может утратить не право на защиту, которое он имеет в соответствии со своим статусом гражданского лица, а фактически предоставляемую ему защиту, если он следует за военным формированием, находясь от него на слишком близком расстоянии. Он не сможет более пользоваться защитой, на которую имеет право, если такое формирование станет законным объектом нападения со стороны противника (если только нападение не является нарушением принципа соразмерности — статья 51, пункт 5.b)). При таких обстоятельствах он действует на свой страх и риск. То же самое можно сказать и о журналисте, который приближается к военным объектам. В этом случае он отказывается от фактической защиты, на которую имеет право.

Кроме того, любое непосредственное участие в военных действиях лишает его неприкосновенности, которой он обладает как гражданское лицо, на время этого участия (статья 51, пункт 3). Применение этого положения к повседневной практической деятельности журналиста может поставить ряд не-

простых вопросов. Ясно, по крайней мере в теории, что нормальная журналистская деятельность защищена предоставляемым журналистам иммунитетом. Признавая за журналистами статус гражданских лиц, государства согласились на то, чтобы те выполняли свои профессиональные обязанности, фотографировали, снимали фильмы, делали магнитофонные записи или рукописные заметки. Следует подчеркнуть, что журналист должен оставаться в тех рамках, которые ему предписаны. Если он за них выйдет, он рискует быть обвиненным в шпионаже.

Правовые нормы, прокомментированные нами выше, относятся к области права, применяемого к международным вооруженным конфликтам. Но каково же положение с защищенной журналистов, находящихся в опасных командировках, во время вооруженных конфликтов немежнационального характера? В нормах права, относящихся к внутреннему вооруженному конфликту, а именно, в статье 3, которая содержится во всех Женевских конвенциях и Протоколе II, ничего не сказано о журналистах. Однако это нельзя считать поводом для того, чтобы не предоставлять журналистам, находящимся в опасных командировках и воздерживающимся от всяких враждебных действий, защиты, на которую имеют право гражданские лица. Несмотря на существующее различие в подходах к этому вопросу, обусловленное различием между категориями вооруженных конфликтов, следует использовать одинаковые концепции везде, где это возможно.

В статье 13 Протокола II разъясняется положение гражданского населения в целом и отдельных гражданских лиц, пользующихся абсолютной защитой. Они не могут становиться объектами нападения. Эта основополагающая норма права вооруженных конфликтов вообще является выражением одного из общих принципов права²⁴. Она носит обязательный характер, независимо от Протокола II.

Закончим этот краткий анализ напоминанием о том, что журналисты в полной мере пользуются той защитой, которая в соответствии с положениями права предоставляется гражданским лицам во время вооруженного конфликта, как меж-

²⁴ См. Partsch, *Armed Conflicts, Fundamental Rules* in Bernhardt (ed.), *Encyclopedia of Public International Law*, 3 (1981), p. 28; Kalshoven, *Applicability of Customary International Law in Non-International Armed Conflicts*, in Cassese (ed.), *Current Problems of International Law* (1975), p. 267.

дународного, так и внутреннего. Таким образом, журналисты защищены в той же степени, что и основная масса людей, не принимающих участия в военных действиях,— гражданское население.

Положение журналиста, находящегося во власти противника

Цель этой главы состоит в том, чтобы проанализировать нормы международного права, в соответствии с которыми журналисту, попавшему в руки одной из сторон в конфликте в результате взятия в плен или задержания, предоставляется защита.

Понятно, что вооруженные силы имеют право задержать любого, кто «прогуливается» в зоне военных действий, хотя бы для того, чтобы обеспечить его безопасность. Участь задержанного журналиста будет зависеть от многих факторов, в частности от его национальности или гражданства.

В отношении журналиста, задержанного властями его собственной страны, действуют нормы внутригосударственного законодательства. Он будет содержаться в заключении, если законодательством страны это разрешено. Власти, разумеется, должны обеспечивать судебные гарантии и правила содержания в заключении в рамках своего законодательства при условии соблюдения положений международных документов о правах человека, подписанных данным государством. Можно утверждать, что основные гарантии статьи 75 Протокола I применимы в случае задержания журналиста в связи с вооруженным конфликтом, если нормы внутреннего права менее благоприятны по отношению к задержанному²⁵.

Что же касается журналистов, принадлежащих к одной из сторон в конфликте и попавших в руки другой стороны, существует различие между аккредитованным военным корреспондентом, который становится военнопленным²⁶, и «свободным» журналистом. Если последний задержан на территории своей собственной страны, то есть в данном случае на территории, оккупированной противником, он должен удерживаться на оккупированной территории и не может быть перемещен на национальную территорию оккупирующей дер-

²⁵ См. Bothe, Partsch, Solf, ad art. 75, par. 2.6.

²⁶ Ст. 4. А.4 III Женевской конвенции.

жавы²⁷. Удерживающая держава может тогда либо начать в отношении журналиста уголовное расследование, либо интернировать его «по настоятельным соображениям безопасности»²⁸. Если факты, которые ставятся журналисту в вину, не могут послужить достаточным основанием ни для осуждения, ни для интернирования, он должен быть освобожден.

Журналист, захваченный на территории противной стороны, может быть привлечен к судебной ответственности, если он совершил какое-либо нарушение или же интернирован, если держава, во власти которой он находится, сочтет это необходимым для обеспечения своей безопасности²⁹. В противном случае он должен быть освобожден.

В отношении журналистов, принадлежащих к третьему государству, не участвующему в конфликте, в случае их захвата противной стороной действуют нормы права мирного времени. Они, конечно, могут содержаться в заключении, если удерживающая держава может предъявить им достаточные обвинения. В противном случае их обычно освобождают.

Во всех этих случаях, удерживающая держава обязана соблюдать весьма конкретные нормы, которые обеспечивают гуманное обращение во время содержания в заключении и все юридические гарантии в случае судебного процесса. Что касается журналистов, находящихся во власти противной стороны, представители Державы-покровительницы или соответственно МККК имеют право их посещать и контролировать условия, в которых они содержатся. Как и другие заключенные, они имеют право поддерживать связь со своими близкими. Журналисты, принадлежащие к третьим государствам, не являющимся стороной в конфликте, пользуются поддержкой дипломатических и консульских представительств своей страны или, в случае отсутствия дипломатических отношений, поддержкой третьей страны, взявшей на себя обязанности по защите интересов этого государства в удерживающей державе.

Напомним, завершая эту часть нашего анализа, что удерживающая держава всегда может отказаться от задержания журналиста и может его освободить в кратчайшие сроки при условии обеспечения его личной безопасности.

²⁷ Статья 76 IV Женевской конвенции.

²⁸ Статья 78 IV Женевской конвенции.

²⁹ Статья 42 IV Женевской конвенции.

В праве немежнационального вооруженного конфликта рассматриваемый нами вопрос разработан гораздо менее четко. Здесь мы находим лишь гарантии обращения: обращение со всеми заключенными должно быть гуманным, без какого-либо неблагоприятного различия. В Протоколе II основные принципы обращения с заключенными, содержащиеся в общей для всех Женевских конвенций статье 3, получили дальнейшее развитие. Однако международное право, применимое в случае вооруженного конфликта немежнационального характера, не содержит положений, к которым можно прибегнуть в случае задержания, представляющегося необоснованным или чрезмерно долгим. Правительство, ведущее борьбу с мятежниками, применяет свое собственное право, если только это правительство не предпочтет выслать неугодного ему журналиста, принадлежащего к третьему государству. Так же действуют и мятежники. Обе стороны обязаны всегда соблюдать действующие правила процедуры и, по меньшей мере, минимальные стандартные правила обращения, обусловленные соображениями гуманности. Подчеркнем также, что захват заложников запрещен при любых обстоятельствах.

Контроль остается ненадежным. МККК предлагает, как правило, свои услуги обеим сторонам, но право принять их или отвергнуть остается за сторонами.

Особенности обстановки внутренних беспорядков или напряженности внутри страны

Во всех случаях обострения обстановки в результате коллективного насилия, не принимающего масштабов вооруженного конфликта, международное право не применяется. Верховенство принадлежит внутригосударственному праву, действие которого, однако, смягчается, при необходимости, положениями документов по правам человека, принятых на мировом или региональном уровне.

Все документы, относящиеся к защите прав человека, гарантируют, тем или иным образом, свободу слова или информации³⁰. Но следует отметить, что у этих документов есть одна особенность — они позволяют приостанавливать действие

³⁰ Всеобщая декларация прав человека, статья 19; Международных пакта о гражданских и политических правах, статья 19; Европейская конвенция по правам человека, статья 10; Межамериканская конвенция по правам человека, статья 10.

многих гарантий во время внутреннего кризиса при соблюдении некоторых условий. При любых обстоятельствах остаются в силе некоторые основные права, соблюдение которых обеспечивает защиту человеческого достоинства,— «неизменное ядро прав человека». Несмотря на расхождения между различными документами, можно сделать следующие общие выводы.

1. Ни один документ не гарантирует во время кризиса полного осуществления свободы слова или информации; таким образом, в этой области в соответствии с внутригосударственным правом могут быть установлены ограничения.

2. Положения, касающиеся запрета на всякое незаконное задержание, права на нормальное судебное разбирательство и нормальные условия содержания в заключении остаются полностью в силе в соответствии с вышеупомянутыми документами даже во время чрезвычайного положения.

Эти правила в равной мере применимы к журналистам и к их деятельности.

Заключение

Защита, которую нормы международного гуманитарного права могут гарантировать журналистам, все еще остается ненадежной. Однако в развитии гуманитарного права был сделан важный шаг вперед: было подтверждено, что журналист, находящийся в служебной командировке в зоне военных действий, является гражданским лицом и должен, таким образом, при любых обстоятельствах находиться под защитой, которая предоставляется любому гражданскому лицу. А правовые нормы, которые обеспечивают защиту гражданского населения в целом и отдельных гражданских лиц, недвусмысленно утверждают: гражданское лицо пользуется абсолютной неприкосновенностью до тех пор, пока оно не принимает личного участия в военных действиях. Не заключен ли глубокий смысл в том, что журналист поставлен в те же условия, что и люди, для которых он работает, иными словами, гражданские лица?³¹

Деятельность журналиста в ходе конфликта, как международного, так и внутреннего, всегда будет связана с риском, причем, надо сказать, журналисты нередко сами сознательно

³¹ См. доклад ЮНЕСКО, Заключительные выводы, Рекомендация 50.

подвергаются опасности. Нормы права могут не всегда защищать их от последствий добровольно принятого решения, от риска, на который они идут по собственной воле. В любом случае, не может быть и речи о том, чтобы пытаться изменить сегодня рассмотренные в этой работе нормы права.

Как бы то ни было, защита журналиста, попавшего в ходе выполнения своей профессиональной деятельности во власть одной из сторон в конфликте, обеспечивается, по-видимому, надлежащим образом.

Проанализировав действующие нормы права, мы приходим к заключению, что защиту журналистов, попавших в руки стороны в конфликте во время выполнения ими своих профессиональных обязанностей, можно считать достаточной. Однако по рассмотрении действующих положений права неизбежно возникает вопрос: «Соблюдаются ли эти нормы на практике, например, в огне операции по прочесыванию или во время допроса, проводимого за линией фронта?» На этот вопрос можно ответить просто: да, нормы гуманитарного права, относящиеся к защите журналистов, соблюдаются, доказательством тому служат свидетельства, иногда поразительные, которые появляются в печати и на телевидении. Но верно также и то, что эти нормы часто нарушаются.

Следовательно, вопрос сводится к тому, что нужно сделать, чтобы обеспечить лучшее соблюдение права в кризисной обстановке, вызванной международным вооруженным конфликтом или гражданской войной? Вот один из многих возможных ответов: журналисты могут сами внести вклад в создание условий, которые заставят ответственные власти соблюдать нормы международного гуманитарного права, чтобы не вызвать гневной реакции международного общественного мнения.

Ганс-Петер Гассер,
глава Юридического отдела МККК
